

— Валерий Анатольевич, какова сейчас в России общественная репутация ученых? В сравнении, например, с временами 20-летней и 40-летней давности?

— Лет двадцать и более назад репутация ученых была заметно выше. Сейчас репутация человека частенько определяется внешними обстоятельствами: на какой машине он ездит, где живет, сколько у него денег и т. п. Тогда такого в общей массе не было, репутация ученого определялась более интеллектуальными достижениями, а не внешним антуражем. Это первое, а второе — в моей молодости считалось, что научная карьера «хлебная», в сравнении с многими другими профессиями она более или менее понятная и в конечном итоге хорошо оплачиваемая. После аспирантуры и должности младшего научного сотрудника человек при старании и таланте попадал в так называемый upper middle class — верхний средний класс. Ученый профессорского уровня в прошлом был ярким представителем такого класса, но сейчас это совсем не так, хорошо, если успешный ученый достигает весьма среднего уровня в этом, извините за тавтологию, среднем классе. Соответственно, сейчас и отношение в обществе к ученым «средненькое». Да и структура общества за прошедшие десятилетия существенно поменялась: интеллектуальный уровень в целом остался высоким, но балом заправляет богатая и зачастую обладающая невысоким интеллектуальным уровнем элита. Она и задает тон в общественной значимости того или иного труда, и молодые люди стремятся больше попасть в такую среду, обеспеченную и стабильную. Хотя отмечу, я не испытываю дефицита в молодых талантливых людях, стремящихся разобраться в вопросах фундаментальной физики.

— Вы известны как последовательный критик реформы Российской академии наук. Ситуация как-то наладилась или, как считают некоторые из ваших коллег, дело безнадежно?

— Никак она не наладилась. Слово «безнадежно» я не люблю, всегда хочется быть оптимистом, но мне кажется, что когда практически все решения, правила игры задаются не учеными, а людьми чиновничьего типа, это ненормальная ситуация. И это сегодня проявляется постоянно по многим направлениям, в решении большинства вопросов. Может быть, ситуация и вырулит, но пока правила игры, по которым мы живем, определяются исключительно чиновниками. Но ожидалось-то еще хуже! Я пять лет назад ждал другого поворота событий, что от академической системы институтов вообще ничего не останется, что она будет развалена, разрушена, как в значительной степени разрушена система прикладных институтов. К счастью, в академической среде такого пока не произошло. То есть самые худшие опасения не подтвердились, но и ничего хорошего не произошло. Так считают не все из числа академиков, у каждого свой и опыт, и представле-

Политическая ситуация во времена Никсона и Брежнева была не лучше, чем сейчас, но понятно было, что ученые — это мостик между странами, и если его закроешь, потом ничего не откроешь, интереса к взаимодействию не будет

ние, но я ни разу не слышал, чтобы кто-то явно приветствовал происшедшее, чтобы сказал: «Да, молодцы, пять лет назад изменения были верными» Беда еще и в том, что от нынешнего президента РАН мало что зависит. Он поставлен в жесткие рамки и не может быть прежним президентом, который был и царь и бог, тем более что академические институты сейчас ушли в Министерство науки и высшего образования. Остались рычаги влияния на систему почти морального характера и немного — лоббистского.

— Какими, по вашему мнению, должны быть современные отношения науки и государства?

— Я бы думал, что основные правила игры, определение направлений работы академических институтов должны исходить от людей, которые реально поработали в науке, которым все это хорошо знакомо. Эти люди могут быть к данному моменту обременены всякими административными обязанностями, но все равно они понимают, что такое наука, что ею движет и как она управляется, развивается. Что касается государственного заказа, то, если говорить о фундаментальной науке, он может быть сформулирован только в самом общем виде: делайте хорошую науку. Нужно понимать, что фундаментальные исследования по заказу не делаются и нельзя сказать, что завтра будет открыт новый закон природы. И в каком месте выстрелит, появятся новые прорывы, как сейчас любят говорить, никто предсказать не может. Кажется, что вот в этом направлении исследования перспективны и полезны, но через некоторое время может выясниться, что никаких новых технологий из этого не проистекает, — или наоборот, кажется, что люди занимаются чем-то отвлеченным, не очень важным, и вдруг там происходит прорыв, полезный для практики. Так что заказ от государства должен быть очень широкий: делайте хорошую науку, приходите к общей точке зрения, что нужно

развивать в первую очередь, какие большие и небольшие проекты вести — и получайте посильное для государства, но достойное финансирование. А прямой заказ на конкретные фундаментальные исследования — это дело безнадежное. К сожалению, сейчас в обществе и в верхах неочевидный подход, что нельзя от фундаментальной науки требовать конкретного выхода — «булок и пирогов», как у меня когда-то спрашивали в Госплане. А я говорил, нет, давайте мы прежде какой-нибудь детектор поставим, а потом начнем пироги печь. Надеюсь, что скоро появится понимание, что мы без фундаментальной науки скоро в Нигерию превратимся, а может, и от Нигерии отстанем. Сейчас есть только признаки такого понимания, но они какие-то очень кривые.

Кстати, в помощи науке могут активно участвовать и бизнесмены. На Западе, в Европе и особенно в США богатые люди хорошо спонсируют фундаментальные исследования. Есть примеры и у нас, в частности, долгое время математиков и физиков поддерживал [через фонд «Династия»] Дмитрий Зимин, основатель «Вымпелкома», и жаль, что с ним так несправедливо поступили, он и его семья делали очень важное, благородное дело. Сейчас активно поддерживает фундаментальную науку Олег Дерипаска через свой фонд «Базис».

«Глаза у них смотрят умненько»

— Пятьдесят лет назад физика была привлекательна для молодых людей — в том числе потому, что было относительно понятно, чем заняты ученые, их результаты было сравнительно легко объяснить. Скажите, сейчас легко ли вы можете объяснить то, чем занимаетесь, любознательному школьнику?

— Когда речь идет о фундаментальной науке, и 50 лет назад, и сейчас не очень легко объяснить даже очень любознательному ребенку суть исследования. Нужна хорошая подготовка, бэкграунд, что ли, чтобы это воспринять. Надо сказать, мы в целом отстаем в этом деле, к сожалению. Меньше стало популярных телепередач, изданий, чем в советские времена, снизился их тираж. Но что-то есть, например, научные фестивали, происходящие в разных городах, я сам в них участвую. Приходит молодежь, интересуется, задает вопросы, и глаза у них смотрят умненько. Народ стал меньше читать бумажные издания, да их и найти сложно, но зато в интернете популярной информации о физике достаточно, в том числе и на русском языке, и если вас что-то интересует, вы всегда можете там найти интересную лекцию, статью. Было бы желание, а желание есть...

— Физика в СССР и России была более чем конкурентоспособна на мировом уровне, сейчас как обстоят дела?

— За всю физику не скажу, область моих знаний ограничена, но у нас были и есть хорошие ученые. Мы сегодня не законодатели моды, они сейчас по всему миру разбросаны, но в том числе и у нас есть люди, которые время от времени демонстрируют очень сильные результаты. Сказать, что мы лучше всех, не могу, хотя раньше это было правильно. Мой знакомый нобелевский лауреат Дэвид Гросс сказал как-то, что если раньше он приезжал в

ДМИТРИЙ ПЕБЕДЕВ